

К удивлению редактора — Новониколаевск — 1978 — 12 стр

ВСЕ БЫЛО БУДТО ВЧЕРА...

Отрывок из очеркового повествования о жизни и творчестве А. Вампилова

В доме Елены Викторовны Жилкиной особой симпатией пользовался Вампилов, для которого хозяйка после родной мамы, учительницы Анастасии Прокопьевны, была второй матерью. Там мы слушали воспоминания наших старших товарищей по перу, участвовали в их нехитрых интригах на ниве сибирской словесности, помогали устраивать быт, доводилось — ссуживали, но чаще занимали грешку-другую, слушали стихи, сами читали, пели под гитару, а то и разыгрывали ко взаимному удовольствию лукавые сценки-капустники вроде «Черемши для Вальдхайма». И ни одна такая сходка, конечно, не обходилась без разговоров о возвращении на Байкал. Одно из них в 1972 году закончилось для Вампилова трагически...

Что ж, мстить Байкалу за эту невосполнимую утрату бессмысленно. Тем более, что врагов у сибирского моря достаточно. К ним приписываются и те трое-четверо, которые стояли в последний момент на берегу, покуривая и взирая на то, как в пятнадцати метрах от берега уходил под воду человек, пытавшийся подбиться к берегу. Эти граждане спокойно завели мотор белой «Волги» и умчались в сторону Иркутска. Может быть, и пьесы Вампилова для них пустой звук. Но дух сибирского драматурга жив, с каждым днем его произведения обретают все большую значимость,

приковывая души людей своим жизнелюбием и светлым, умным юмором. А для тех, кто близко знал Вампилова, останутся действенными и памятными его чеканные афоризмы, некоторые из которых хотелось бы напомнить. На одном обсуждении романа короче всех высказался Вампилов, точно определив: «Автором двигал не замысел, а умысел». В припадке самоиронии заметил однажды: «А этот автор пошел шаткой дорогой авансов». Одного неопохмеленного околелитературного шалопая, который набивался в нашу компанию, пригвоздил:

«Этот человек напоминает мне мою физическую смерть». Докладчика-бодрячка разочаровывал на всю жизнь: «Мастер по вводному слову». Шустрому околелитературному критику-подпевале, который за глаза позорил иркутскую «Стенку» перед приезжими малоизвестными литераторами, заявил: «Ты, парень, пиши, только не думай, что это имеет отношение к литературе». Любил цитировать Гоголя, Чехова, Салтыкова-Щедрина, иногда внося свой импровиз или символичное ударение, например, по-особому распроставлял на многих щедринское: «Не столько сра-

жался, сколько был сражаем». Или неподражаемо цитировал чеховского героя: «Жену свою ненавижу...» Или восхищался фамилией героини из раннего рассказа Чехова «Морепешепереходящая».

Нашему товарищу, постоянно попадавшему в нелепые истории, дал характеристику: «Мастер нарывать».

Когда хотел отделаться от настырного посетителя, намекал: «Вам не накрыто».

Комплиментом за доброту сделанное звучало слово «умелец».

Убеждал товарищей по перу, которые жаловались на засилье именитых «стари-

ков»: «Пишите — в литературе никому не тесно». Об известных братьях-соавторах выражался кратко: «Братья-разбойники».

Как-то мы слушали навязчивого молодого поэта, который сыпал стихами, словно из рога изобилия. Вампилов поднял руку на строчках, которые вроде не хуже и не лучше других: «Рука, отбросив пистолет, качнулась в сторону стакана...»

— Все, можешь больше не читать, — решил Вампилов. — Лучше не скажешь ни о себе, ни о своем поколении.

Людей с разгильдяйскими наклонностями, неверным словом и вороватым нравом охарактеризовал накрепко: «Неподотчетный».

Любил повторять: «Талант и искательность несовместимы».

Так и хочется сказать вслед последнему афоризму: «Талант и смерть несовместимы!» Увы, физическая смерть — медицинский факт, как говорил небезызвестный герой. И этот страшный факт ранней гибели Вампилова нам, его друзьям, пришлось пережить. О единственной звездной надежде, которая как-то естественно прозвучала у гроба драматурга, напомнил Геннадий Николаев. Он напомнил нам напутственное письмо К. Э. Циолковского умирающему другу. В своем письме русский мудрец пишет о том, что мир так бесконечен в пространстве и во времени, что мы обязательно повторимся точно в таких же образах и связях и встретимся еще не раз.

Г. МАШКИН,
писатель.